

Владимир Лосев

**Из забытого
в письменном столе**

Г.Новотроицк 2015

ББК 84-5
Л-79

Лосев, В.С.

Из забытого в письменном столе:
[неопубликованные стихи] / В.С.Лосев.– Новотро-
ицк: Центральная городская библиотека. Сектор
краеведения, 2015.– 24с.

Владимир Лосев

Из забытого
в письменном столе

Новотроицк, 2015

У могилы неизвестного солдата

Я вернусь к бревенчатому дому,
Даже если мне не суждено.
Тенью лунной, брошенной соломой,
Иль дождём на старое окно.

Прикоснусь незримыми перстами
В горнице к покрашенным полам.
И заплачет горькими слезами
Боль моя, а может быть, я сам.

И душа, как раненая птица,
Будет биться, падать и взлетать.
И в тени затихнет под божницей,
Сам себя я буду вспоминать.

Я вернусь в тот край седым туманом,
Белым снегом, желтою листвою.
И осенней выстуженной ранью
Вспыхну инеем над жухлою травой.

Может, ты пройдешь по этим травам,
Обожгу тебя я холодком.
И тоска морозною отравой
Зазнобит осенним вечерком.

И душа моя, как раненая птица,
Будет биться, падать и вздыхать.
Может быть, тебе она приснится
И о прошлом станет горевать.

И меня ты вспомнишь ненароком,
Вспомнишь, что я без вести пропал.
Там, под Курском, средь полей широких
Жизнь мою осколок оборвал.

Встанешь ты с супружеской постели,
Бросишь взгляд в полночное окно.
Вспомнишь, как под трели коростели
Целовались мы с тобою так давно.

Вспомнишь, как о свадьбе сговорились,
В нашей баньке гнали первачок,
Кружевное платье к свадьбе шили...
Но пришла война к нам на порог.

Я вернусь к бревенчатому дому.
Даже если мне не суждено.
Тенью лунной, брошенной соломой.
Иль дождем в закрытое окно.

1 ноября 2014

Я в горы рвусь

Я в горы рвусь, зачем? — не знаю:
А вдруг за ними — степь и солончак?
И Дикий вой у самого у края,
Где вечный зной и полумрак?

За горы рвусь, зачем? — не знаю.
А вдруг там небо — выше и теплей,
И ковыли в степи, как отзвуки рая,
И потому за горы тянет журавлей?

Там, может быть, несметные богатства,
И золото, и ртуть, и яшма, и сапфир!
А может женщина такая, братцы,
Что за неё не грех отдать весь мир!

К вершине рвусь,— так хочется, так надо.
Эх, крылья мне, я смог бы улететь!
И гонит в горы женщины той ради,
Тоска моя. Ах, только бы успеть!

сентябрь-октябрь 2015

Я не буду кобылу стреножить,
Пусть резвится под солнцем в степях.
От кого и зачем её строжить,
Нам комфортно у ветра в руках.

А что жизнь? Коли молод— бескрай-
ность,
Ветра свист поджигает виски
И любовь, как преддверие рая,
А измена, как яд, мужики.

И лечу я в размах задыхаясь,
По дорожкам чужим да своим.
И грешу впопыхах, и не каюсь.
Годы в брызги, и ветер, и дым.

Эх, родная, давай-ка быстрее,
Чтобы звёзды летели в глаза.
Чтобы боль обжигала сильнее,
И в хрусталь превращалась слеза.

И хлещу я нагайкой лошадку,
Правды нет ни в ногах, ни в глазах.
Под ветра, как под нашу трехрядку
Удила пляшут в конских зубах.

Но однажды споткнётся кобыла,
Упадет в придорожную пыль
И заржет мне в лицо так уныло:
У развилки мы в небыль и быть.

Так куда мне теперь одному-то?
От сгоревших годков лишь зола.
На висках выцветает как будто,
То немного, то вовсе бела.

28.06.2015

Электронный адрес

посвящается А.М. Цирлинсону

Бесспорно, Басков — он блондин.
Чудак решил, что он один.
Один блондин на белый свет!
Других, конечно, больше нет.

Ты в Новотроицк приезжай
И по Советской погуляй.
Навстречу выйдет Цирлинсон:
Блондинист, скромн и умён.

2014 год

Пивига

Пивига носится по полю,
То плачет горько, то поёт,
И в этих песнях много горя,
Не каждый столько унесёт.

Пичуга чувственно рыдает,
В забывших пахоту полях,
Она, должно быть, точно знает,
Куда ведёт российский шлях.

А я стою, — набухли вены,
Кулак и жилист, и красив,
И пахнет Родиною сено,
А на душе тоска в разлив.

Таких, как я, в деревне двое:
Кто держит всё ещё коров.
У нас здесь тихо и спокойно,
Нет ни детей, ни мужиков.

В дворах крапива и бурьяны,
Народ подался в города...
Встает Пивига рано-рано
И горького плачет, вот беда.

3 сентября 2014 г.

* * *

Меж домов и тополей,
Желтела сельская дорога.
И стадо вечером по ней,
Шло и редело понемногу.

Катилась пыль, как снежный ком.
Коров не видно, лишь мычанье.
Парным сквозило молоком,
И щелкал кнут всем в назиданье.

А за деревней, у реки,
Где ночью тени всех пугали,
Горели крохи – светлячки,
Но пальцев нам не обжигали.

Откуда брался этот свет,
Среди бурьянов и крапивы?
Манил он тайной с детских лет,
И делал нас чуть-чуть счастливей.

Прошли года у той реки.
Уже никто не косит травы.
И не горят там светлячки,
Не колет ног босых атава.

2012

Брусника

За излучкой берег белый,
Тонкой лентой вьется вдаль.
Над излучкой запах прели-
Зыбкой осени печаль.

Зарумянился осинник
И дрожит,— есть ветер, нет...
Солнца розовый полтинник
На воде оставил след.

Язь, гуляя на просторе,
режет след тот на куски.
Где река, а где — то море?
Не умрет он от тоски.

Мхи вдоль речки задымили,
Чад молочный по утрам,
Здесь Ехидна с Лешим жили,
Их в болотах видел сам .

Там росла с кулак брусника
И алела, словно мак.
Леший звал: «Эй, подходи-ка,
рви в ведро, коль не дурак».

Кто ходил за той брусникой,
Пропадал в болоте вмиг.
Леший радовался, гикал...
Да в траве рыдал кулик.

А трясина как живая,
Шла волною на ветру,
В ней прожилина седая
Появилась по утру.

Видно много душ невинных,
Извела за длинный век.
Обходили все трясину,
Зверь, скотина, человек .

Есенину

В селе под утро петухи
Проводят перекличку,
Луна, как лемех от сохи,
Синь режет по привычке.

Зима — уснувшее дитя-
Под снежным одеялом.
И льется звездная кутя
На крыши снегом талым.

Сидит Сережа за столом
Про деда строчки пишет,
А дед с простуженным нутром
На печке еле дышит.

А дед, прокуренный насквозь,
Страдает от недуга,
Худой и длинный, словно гвоздь,
Краснеет от натуги.

Едва откашлявшись, сползёт
С печи он на лежанку.
Махрой затянется, завьёт
Дым в сизые баранки.

«Внучок, не делом занят ты,
Подшил бы мне опорки.
Стихи? Не сшить из них порты,
Не накормить Трезорку.

Опорки, хошь? — совсем плохи,
Подшить — на зиму хватит...
Чавой-то ноне петухи,
Ядрено песни ладят...

Пройдет совсем немного лет,
Уедет внук в столицу.
Известен будет, как поэт,
Дед внуком возгордится.

И в праздник, крепкий первачок
Занюхав хлебной коркой,
Расскажет, как его внучок
Чинил зимой опорки.

Еще нальет, хлебнет ухи,
Обнимется с соседом
И скажет, что писать стихи
Учился внук и деда.

Как тебе живётся?

Тонкой паутинкой август пролетел.
На листьях осоки проступает мел.
Загустели тени, утром холодок...
В сердце вызывает горьковатый сок...

Как тебе живется на земле с другим?
Спится как, как пьется, дорогая, с ним?
Греет ли прохлада голубых небес?
Хорошее станом или копишь вес?

Неужели так же, всё, как и со мной -
Страсть, улыбки, нежность, ночи под луной?
Бродишь ли счастливой мимо площадей,
Кормишь ли с ладони смелых голубей?

Веселит ли рюмка в праздник за столом,
Память не тревожит пасмурным крылом?
Шёпот мой не слышишь по ночам в тиши,
Боль порой не льется струйкой из души?

Неужель не хочешь встретиться со мной,
Неужель и вправду — стала ты другой?
Неужель не вздрогнешь, лишь тебя коснусь?
Нет! Не верю в это, я тебе клянусь!

Напрягу я бронхи до кровавых дыр,
Закричу, чтоб лопнул равнодушный мир:
«Мы же друг без друга, слышишь, пропадем,
Милая, поверь мне, в мире мы вдвоем!»

2013 г.

Гибель Пушкина

Над Черной речкой вьется снег,
Чернеет санная дорога.
Идет к барьеру человек,
И пахнет в воздухе тревогой.

На русых кудрях белый снег,
В глазах — усталость и досада.
Ушедший век, — коварный век!
Вам, Александр, к барьеру надо.

Неотвратим судьбы удар,
Ах, Натали, утрите слёзы.
Теперь у Вас в душе пожар,
Тоска по болдинским березам.

И тот ненужный разговор,
Нелепость писем от Дантеса,
и сплетен мелочных позор...
И вот дуэль у кромки леса.

Француз ботфортами примнет
Российский снег на бездорожье
И пистолет легко возьмет:
Ему на сердце не тревожно.

На Черной речке выстрел глух,
Он воронья поднимет стаю,
А легкий снег, как белый пух,
Кровь нежно телом закрывает.

И упадет поэт на снег,
Россия вздрогнет от утраты,
Ушедший век — коварный век!
Кому? За что такая плата?

10 февраля 2015

Снегири

Снегири—красногруды на ветках,
Словно яблоки в летнем саду,
Словно чьи-то заветные метки,
Отгоняют злодейку беду.

И меня веселят эти птицы,
И зима, снег пушистый и лёд.
Я хочу холодком причаститься,
Благодать тихо в душу войдет.

Белой проседью небо нависло,
рассыпает на землю снега.
Календарные даты и числа
Дней ушедших заносит пурга.

И уже, удалой и весёлый,
Дед мороз у промёрзших дверей.
Вот подарки Вам, шутки, приколы
И гаданья на дам, королей.

Праздник рядом, дотронусь рукою
До игрушек, смолистых ветвей.
Сколько в них доброты и покоя!
Ради Бога, мне душу согрей!

Я в рубашке, с похмелья, горячий,
Выйду утром на зябкий балкон:
Где же вы, снегири, не иначе,
Вас поставило время на кон.

Только ветки качнутся без снега,
Задрожат, словно холодно им.
Словно к жизни рванулись побеги
Средь холодных морозов и зим.

Я вас, птицы, клянусь, не забуду.
В Рождество прилетайте ко мне,
Прилетайте ко мне, красногруды,
Многоточием сядьте на снег.

2014 г.

Степь

В степи цветы, раздолье, ароматы...
Здесь грозный хан когда-то жил.
В земле он спит— с мечом и в латах,
А где степняк – давно забыл.

Летят года, скользят столетья.
Над степью грешной и святой.
Ковыль — свидетель лихолетий,
Он на земле хранит покой.

Орел над степью – символ смерти.
Все замерло. Жизнь, берегись!
Тень рухнет вниз, навстречу тверди,
И жертвы стон проколет высь.

И снова тихо, травы гнутся,
Висит над степью тяжкий зной.
Навстречу свету жизни рвутся
Из птичьих гнёзд под скорлупой.

Даль замерла в животном страхе:
Там лентой вьется саранча.
Степь, голова твоя на плахе,
Ты слышишь поступь палача.

Здесь Жизнь и Смерть в извечном споре,
Степной простор для них открыт,
А жизнь кипит, она в фаворе,
По следу Смерть идёт и бдит.

На Селигере

Рассветы словно снегири.
Летят с востока стайкою,
На крыши сядут, ой, смотри —
Какие грудки яркие!

К полудню солнца желтый шар
Нырнёт в реку, расплавится.
И вспыхнет вдруг вода—пожар
Волною закудрявится.

Мы сядем в белый теплоход,
Качнется плавно палуба.
У борта солнце вдруг всплывет;
«Есть на погоду жалобы?»

“Да нет, погода хороша
С утра нам улыбается!»
И пляшет мячиком душа
И палуба качается.

Я обниму тебя слегка,
Прижмусь губами к щечке.
Замрет и сердце и рука -
Вот я и на крючочке!

А сам себе скажу: “Смотри,
какая рядом женщина!»
Не зря, должно быть, снегири
С рассветами повенчаны.

Вислоухая шотландка

В.П.

Вислоухая шотландка
На окне в тепле сидит.
Кошка Шейла, хулиганка,
Ловит хвост свой и мурчит.

За окном похолодало,
За окном — снежинок рой.
Глазки кошки засверкали:
«Мух-то сколько, боже мой!

Ой, сейчас я их поймаю,
Может тыщу, может три...
Съем, попробую, узнаю,
Что у этих мух внутри!»

Носом тычется в окошко,
Мухи там, а здесь — стекло,
Эх, удачи бы немножко,
Чтоб в охоте повезло!

За окном кружат снежинки,
Лапой кошке не достать.
И ушла — в глазах грустинка, —
корм кошачий доедать.

Лето 2014 г.

Городу

Над городом смог вызревает,
Пахуч и удушлив слегка.
Газеты же нам сообщают,
Что примесей в нём — в ПДК.

Откуда тот смог, с комбината?
А, может, дыхнул химзавод?
Иль может Барак виноват то,
Обама, Что в штатах живёт?

Он чистый наш смог испоганил,
В него подпустил чёрт-те что,
И наш ПДК в сердце ранил!
Да, гад тот Обама, — вот кто!

Газеты опять разъяснили,
Что примеси есть, но чуть-чуть.
И наш ПДК, - убедили, -
Он твердый, как рубль! - в чем и суть.

2015 г.

Я работаю на «Скорой»

Я работаю на «Скорой».
Вызова и день, и ночь.
И глядит тревожно город,
И уходят годы прочь.

Двери, лестницы, квартиры,
И в прихожих толкотня,
На глазах слезинок сырость...
Без людских проблем - ни дня.

Блеск стальной фонендоскопа,
Ампул треск, холодный жгут...
Это всё – моя работа.
Вызов есть – нас снова ждут!

И опять собраться надо,
И диагноз – в пять минут.
Рады нам, порой – не рады,
Но всегда с надеждой ждут!

Сутки так порой прокрутит,
Что едва идёшь домой.
Расслабуха нынче будет –
Выходной - есть выходной!

К портрету

Р.Л.

Передо мною твой портрет.
На нем моложе ты, другая.
Меж нами пропасть, сколько лет
С тобой не я там, дорогая.

Спокойно смотришь на него,
В осенних красках утопая.
И улыбаешься легко.
Ты не со мной, ты там другая.

Тебя он страстно обнимал,
Одежду трепетно сминая.
А я совсем тебя не знал,
Ты на портрете мне чужая.

Там жизнь твоя, меня там нет.
Ты там такая молодая!
Таинственна, как лунный свет
И до обидного чужая.

2011

Владимир Сергеевич Лосев — поэт из Новотроицка. Родился в деревне Себрово Осташкинского района Тверской области. Окончил Ленинградскую школу милиции, отделение уголовного розыска. Позднее ВЮЗИ г. Петербурга. По профессии - юрист, а именно - специалист по советскому уголовному праву. Общий стаж работы в уголовном розыске почти 15 лет. Около 22 лет прожил на Сахалине. В Новотроицк приехал в 1992 году. Увлечение поэзией полностью захватило уже в зрелые годы. Один из основателей альманаха «Ветеранский огонёк». Член орского литературного объединения «Сонет», подольского поэтического объединения совета ветеранов, клуба любителей поэзии совета ветеранов «Уральской стали» г.Новотроицка.

© Владимир Лосев